

ТЕАТР ИЩЕТ ПУТЬ

Пьеса И. Митты «Светите, звезды» создана более четверти века тому назад. Характеры в ней разработаны не всегда с достаточной полнотой, ее проблематика неглубока, а судьбы героев заточены порой почти пунктиром. Но она и сегодня привлекает своим боевым темпераментом, революционным пафосом. В ней оживлены деревенская атмосфера начала двадцатых годов, неслучайные приметы времени, романтика дней становления Советского государства.

У известного советского поэта Александра Вампианского в одном из стихотворений, написанных в те же годы, когда разворачивается действие пьесы «Светите, звезды», есть такие строки:

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Бто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти.

Самозабвенная целеустремленность, преданность делу Коммунистической партии характеризуют и работницу Елену Череду, и шахтера Тереня Крыжени, и батрака Миколу Прадку, и помощника машиниста паровой мельницы Мосю Шкиндера, и других, «революцией мобилизованных и призванных» на учебу в университет.

Ленинградский драматический театр проделал значительную работу над текстом пьесы. Он создал сцену выступления В. И. Ленина на съезде комсомола, добавлял стихотворный пролог и эпиграммы (стихи Л. Друскина), ввел в ряд сцен стихотворения крупнейших русских поэтов. Все это если и не углубило пьесу, то помогло подчеркнуть перекличку, которую как бы ведут ее герои, с нашими современниками, дать ей более широкое дыхание, поэтическую настроянность.

Режиссер И. Ольшангер сумел создать романтическую атмосферу спектакля, найти ритм, передающий революционную посылку боевых лет. Он стремится к сгущенной образности, старается довести мизансцены почти до символической выразительности.

Вот за большими, накрытым для заседаний ученого совета столом медлительно и бесшумно появляются профессор, мрачные, завернутые в темные шубы с поднятыми воротниками, в шапках, нахлобученных до глаз. Они как будто бы не приходят из того бурного мира, который кипит за университетскими стенами, а вылезают из каких-то темных углов, вырастают из подземелий. Не раздеваясь, профессоры сидят неподвижно и воротят по поводу ловких поворотов. Один из них угрюмо вспоминает текст «Интернационала», потом пробует пропеть его, другие меланхолично старчески голосами подхватывают ему, как бы раздумывая вслух над этим, еще непонятным им гимном новым хозяевам жизни. А появляющиеся студенты подхватывают припев, и он звучит торжественно, победно...

Изобретательно, живо, с шмором, юношеским задором поставлены сцены приемных экзаменов, когда будущие студенты берут заветный рубеж без знания, а «классовым инстинктом», опираясь на берега моря, где не имеющая жилья молодежь ищет себе пристанище в катках, картина в замораживающем общении. Выразительная сцена чтения студентами стихотворения М. Светлова «Рабфаконке».

Артистам Драматического театра долгое время не приходилось играть в подобных романтических спектаклях. И все же это первое испытание и Г. Комарова (Влена), и В. Соболев (Терень), и С. Воярский (Мосю), и

другие актеры в целом выдерживают.

Звонкую комическую и в то же время теплую лирическую ноту вносит в спектакль молодая артистка А. Фрейндлих, обаятельно, с заразной непосредственностью исполняющая роль беспризорника Котья.

Пьеса густо населена, и для каждого, даже почти бессловесного образа театр нашел запоминающийся рисунок, индивидуальный облик, логику существования. Таковы профессор (артисты Г. Крайнер, А. Янгельский, И. Бомбинский), кула (Т. Волкова), Бык (Н. Андрейчук) и другие.

Попыск яркой выразительности, стремление к смелому художественному обобщению, гражданскому пафосу характеризуют новую по-

законам старого мира. Но в ее финале и режиссер и исполнитель теряют чувство меры. Окруженный студентами, Смола в буквальном смысле слова по-волчьи воет, закинув голову, и без конца всхлипывает и скучит, как загнанный хищник. Кстати, чтение Смолой стихов Сергея Есенина оскорбительно для памяти большого русского поэта, а образ убийцы и погромщика приобретает при этом черты, из которых он никак не может претягивать. В этой же сцене монолг Шкиндера о его убитых отце и брате, о замученной еврейской бедноте сопровождается чувствительным, надрывным плачем, не соответствующим музическому содержанию момента и дающим неверный крен всему финалу картины.

Особо следует сказать о сцене мясницкой слободы. Она поставлена очень ярко. Режиссер отгадал здесь броские, сочные краски, но они так густы, так пестры, их так много, что общая палитра тонет в этом наборе всех цветов и оттенков. Они пробуждают самодовольный характер, и сцена разрастается в самостоятельный этюд о жирном, пьяном и распутном мясничестве, которое раскрывается тут не столько в своей сущности, сколько в отвратительно наглых формах.

В пьесе романтика борьбы, вторжения в жизнь ради ее перестроения во имя высокого идеала не вступает в конфликт с мнимой романтикой, прикрывающей красивой фразой мелкий, обывательский идеализм, а, по сути дела, сосуществует с ней. Режиссер постарался возродить этот провал, и сцена в слободе заканчивается символически: Тарас Работяга (артист Г. Арсеньев) с поднятыми кулаками наступает на обившихся в кучу мешков. Однако это не спасает положение. Его можно было несколько поправить, если бы актер И. Дмитриев в роли Антоно драматически сильно igraющий последнюю сцену, острее, глубже сыграл бы и первую часть роли, если бы он не жалел своего героя как наивного мальчика, а последовательно разоблачал его пошлость, индифферентизм, обывательскую сущность. Гибель Антоно в мясницкой слободе — закономерный итог его жизни, а сейчас эта гибель выглядит как случайное несчастье человека, вырвет попавшего в трясину.

Декларативен конец постановки — панорама Университета на Ленинских горах и силуэты героев. Кроме того, две сцены, предшествующие этой немой картине, поставлены так, что каждая из них ставит логическую точку всему развитию действия. Поэтому спектакль имеет как бы три конца.

Как бы ни были порой серьезны недостатки спектакля, они — результат творческой увлеченности режиссера, поисков наиболее ярких, выразительных средств. Это — просчеты ищущего таланта. Они могут быть преодолены при более строгом и самокритичном взгляде художника на свое произведение.

Г. КАПРАЛОВ

На снимке: сцена из спектакля «Светите, звезды». Слева направо — артистка Г. Комарова в роли Елены, артист В. Соболев в роли Тереня и артистка А. Фрейндлих в роли Котья.

